

ЭПИРСКИЕ ЛАТИФУНДИИ I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

© 2025

Казаров С.С., Снежко И.В.

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В результате римских завоеваний II–I вв. до н.э. в орбиту влияния Вечного Города включилось все Средиземноморье, и особую привлекательность для дальнейшей экономической экспансии Рима представлял плодородный и богатый Эпир, расположенный в непосредственной близости к Италии. Письменные и археологические источники фиксируют активное присутствие римлян в регионе в I в. до н.э., организацию ими своих поместий и ведение обширного хозяйства латифундиального типа. Особенно это касается фигуры Тита Помпония Аттика, сведения о деятельности которого в Эпире сохранились наиболее полно. Римские латифундии Эпира представляли собой многопрофильные рабовладельческие поместья преимущественно интенсивного характера, с ведущей ролью скотоводства и высокой рентабельностью в связи с спросом на эпирскую шерсть в Италии и армейскими поставками в период военных кампаний. Археологические материалы свидетельствуют об интенсивном распространении латифундий на территории Эпира, известного своим развитым скотоводческим хозяйством. Организация подобных хозяйств не требовала от владельцев серьезных вложений, в отличие от поместий типа вилл, и позволяла извлекать ощутимые прибыли.

Ключевые слова: Эпир; латифундия; вилла; Атик; скотоводство; рабовладение.

EPIRUS LATIFUNDIA OF THE 1ST CENTURY BC

© 2025

Kazarov S.S., Snezhko I.V.

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. As a result of the Roman conquests of the second and first centuries BC, the entire Mediterranean was included in the orbit of influence of the Eternal City, and the fertile and rich Epirus, located in close proximity to Italy, was particularly attractive for further economic expansion of Rome. Written and archaeological sources record the active presence of the Romans in the region in the 1st century BC, the organization of their estates and the management of an extensive economy of the latifundial type. This is especially true of the figure of Titus Pomponius Atticus, whose activities in Epirus have been preserved most fully. The Roman latifundia of Epirus were multidisciplinary slave-owning estates of a predominantly intensive nature, with a leading role in cattle breeding and high profitability due to the demand for Epirus wool in Italy and army supplies during military campaigns. Archaeological materials indicate the intensive spread of latifundia in the territory of Epirus, known for its developed cattle breeding. The organization of such farms did not require serious investments from the owners, unlike estates such as villas, and allowed them to extract tangible profits.

Keywords: Epirus; latifundia; villa; Atticus; cattle breeding; slavery.

«Латифундии погубили Италию» (Latifundia perdidere Italiam) – это знаменитое выражение Плиния Старшего (Plin. Hist. Nat. 18. 7, 35) на долгие годы развернуло историографическую дискуссию о том, что из себя представляла римская экономика. Говоря о значении крупного латифундистского хозяйства в Риме, зарубежные и отечественные исследователи в большинстве своем концентрировались на итальянском материале [1; 2]. Тем не менее со времен Пунических войн римское господство перестало ограничиваться Апеннинским полуостровом, а вслед за римским оружием в покоренные области следовала аристократия: политики, торговцы, землевладельцы. Одним из первых регионов, подвергнувшихся экспансии римских землевладельцев, был Эпир. Интерес исследователей к проблеме аграрной истории и латифундистского хозяйства Эпира I в. до н.э., за некоторыми исключениями, носит бессистемный характер. Историки ограничиваются отдельными замечаниями относительно характера сельскохозяйственных отношений в Эпире [3; 4], в частности, на примере эпирских поместий Тита Помпония Аттика, которым в историографии уделялось определенное внимание [5, с. 66–78]. Между тем, на наш взгляд, богатый эпирский материал может дополнить и уточнить картину развития аграрных отношений в Поздней республике.

Незадолго до римского завоевания Эпир представлял собой цветущую область с развитым сельским хозяйством, денежным обращением и высоким уровнем урбанизации [6, р. 490–516]. Однако в связи с покорением Эпира Римом регион вступил в полосу тяжелейшего экономического кризиса (Polyb. XXX. 11–12; Strabo VII. 7, 3 = Polyb. XXX. 16; App. Illyr. 9; Plut. Aem. Paul. 29). Нестабильности добавляли многочисленные восстания в Македонии с активным привлечением угнетенного населения: Андриска в 148 г. до н.э. (после которого и образовалась провинция Македония, в состав которой входил Эпир до 108 г. н.э.) и последовавших за ним выступлений Лже-Филиппа II и Лже-Александра. Фракийцы, не смилившиеся с римским владычеством на Балканах, активно совершали набеги на Македонию. В 92 г. до н.э. они вторглись на территорию Эпира, дойдя до Феспротии и разграбив храм Зевса в Додоне (Cass. Dio 31, 101). Вскоре большая часть про-

винции Македония была покорена Митридатом (App. Mithr. 35), однако Эпир остался во власти Рима. Спокойные времена для Эпира наступают лишь после Первой Митридатовой войны (85 г. до н.э.), и это время было периодом интенсивного экономического освоения региона римлянами.

Активная деятельность римской элиты в Эпире отражена во второй книге трактата Марка Теренция Варрона «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*), посвященной скотоводству, и отправляющим читателя в середину 60-х гг. до н.э. Участники диалога – богатые хозяйственники, имеющие обширные скотоводческие владения в Эпире – Тит Помпоний Атик, Гней Треллий Скрофа, Коссиний, Вакций и другие (Var. *De re rust.* II. Praef. 6). Выбор ими скотоводства в качестве сферы приложения капитала был, безусловно, не случайным: античные авторы отмечают, что эпирский скот был не только лучшим во всей Греции, но и превосходил итальянский (Ibid. 5, 10; ср. Arist. *Hist. An.* III. 21, 106; Caes. *Bel. Civ.* III. 47; Verg. *Georg.* I. 59; Plin. *Nat. Hist.* 8, 176; Arr. *Anab. Al.* II. 16, 6). Эпир славился своим скотоводческим хозяйством, тогда как земледельческое производство ему уступало и часто сохранялось для нужд внутреннего потребления [7, р. 41–42].

Тит Помпоний Атик, друг и сторонник Цицерона, выводится в диалоге Варрона в качестве большого знатока овцеводства, овечьи стада (*greges*) которого превышали сотни голов (Var. *De re rust.* II. 2, 20; 10, 11). Атик владел и обширными стадами крупного рогатого скота, по 120 голов на стадо (Ibid. 5, 12; 5, 18), а также занимался коневодством (Ibid. 7, 1). Коссиний в диалоге отмечает, что его с Атиком овечьи стада не превышают тысячи голов – ок. 700–800 (Ibid. 10, 11). В другом месте Вакций говорит о средних размерах стада крупного рогатого скота у Атика в 120 голов (Ibid. 5, 18). К этому стоит добавить, что известно о собственности Атика в Бутроте (совр. Бутринт), небольшом городе-порте напротив о. Керкира: здесь он имел свой дом (Cic. *Att.* II. 6, 2; IV. 8, 1; 16, 1) и владел многочисленными плодородными имениями в этом районе, а также к северу в Хаонии и к югу, в Феспротии, – все эти владения Цицерон однажды называет провинцией (*provincia*) Атика (Ibid. VI. 3, 2). В трактате «О законах» Цицерона упоминается поместье Атика у реки Фамис (Cic. *De legib.* II. 7).

Определенные данные имеются и о другом виде движимой собственности в имениях – о рабах-пастухах. У Варрона неоднократно упоминаются рабы-пастухи, которых участники диалога ставят во главе стад и в определенных пропорциях: так, при сотне голов стриженных овец полагается размещать одного пастуха, при сотне «одетых» – двоих (Ibid. 2, 20); аналогично на сотню свиней – один свинопас, и ему могут помогать несколько подпасков (Ibid. 4, 22); при табуне кобылиц в 50 голов полагается два раба (Ibid. 7, 1); при козьем стаде в 50–100 голов полагается ставить 1–2 рабов (Ibid. 3, 9–10); вероятно, схожее с овечьим хозяйством число рабов полагалось размещать при стадах крупного рогатого скота [8, р. 528]. Кроме того, определенное число рабов вовлекаются на работы в имение, особенно дети, которые могут пасти скот (Ibid. 10, 1). Часто упоминаются в «Сельском хозяйстве» и женщины, особенно в связи с воспроизводством рабского населения имений: Варрон признает необходимость предоставления пастухам семьи (Ibid. 10, 6–8). Управлять скотоводческим хозяйством должен «старший пастух» (*magister pecorum*), именно ему подчиняются рядовые пастухи. Это должен быть возрастной и опытный человек, в задачи которого входит общее управление стадами (Ibid. 10, 2; 10, 10); *magister pecorum* заботится о том, чтобы взять все необходимое для стад и пастухов, когда они со стадами кочуют, уходя от виллы на большие расстояния; если днем пастухи обедают при стадах, то вечером ужинают все вместе под надзором старшего пастуха и т.д. (Ibid. 10, 5). Тем не менее это не сильно ограничивало действия рабов, и на этом вся бдительность администрации заканчивалась, тем более что расходы на раздутый аппарат управления поместья могли поглотить весомую долю дохода.

Таким образом, в организованном скотоводческом поместье в Эпире насчитывалось как минимум до полутора десятков рабов. На овечье стадо в 700–800 голов, которое было у Атика и Коссиния, приходилось соответственно 7–8 рабов, а также старший пастух; также в поместье имелся как минимум один свинопас, пастух, пасущий крупный рогатый скот, 2 пастуха, отвечающие за табун лошадей, и 1–2 пастуха при козьем стаде, то есть еще 5–6 человек. Достаточно много уделяет внимание Варрон и собакам, что предполагает наличие специального раба-овчара (Ibid. II. 9). Нужно также иметь в виду и рабскую администрацию, которая включала как минимум 3 человек: старшего пастуха, его супругу, руководившую «женской» работой и вилика, управляющего всем поместьем. Если к этому рабскому населению присовокупить женщин и детей, то число может быть увеличено вдвое, до более чем трех десятков человек.

Небольшое количество рабов-пастухов при огромных стадах объясняется их самостоятельностью, хорошей организацией и заинтересованностью в своем труде. Эпирские собственники, очевидно, предоставляли пастухам часть голов скота в качестве пекулия – все это в совокупности укрепляло связь раба с рабовладельцем [8, р. 527–528], при этом сам Варрон замечает, что большей лояльностью отличаются фамилии из эпирских рабов (Ibid. I. 17, 5; 19, 3).

Итак, совершенно очевидно, что эпирские хозяйства участников диалога Варрона носили рабовладельческий характер. Варрон указывает два источника пополнения рабов: рабское воспроизводство и покупка. Е.М. Штаерман полагала, что рост значения покупки рабов связан с интенсивным ростом рабовладельческих хозяйств в Эпире, требовавших значительного количества рабочих рук [9, с. 86]. С этим трудно не согласиться. На это указывает как полное отсутствие упоминания Варроном наемного труда и его применения в скотоводстве, так и то, что эпирские рабовладения понесли существенный урон в результате нашествий и военных конфликтов II–I вв. до н.э. Тем не менее уделялось большое внимание и рабскому воспроизводству: сам Вар-

рон указывает на внутренний источник пополнения как наиболее рациональный и предпочтительный путь для рабовладельца (Ibid. II. 10, 6–8). Стоит отметить, что и Непот относительно фамилии Аттика замечает, что в ней не было ни одного купленного раба (Nep. Att. 13, 4).

Скотоводческое хозяйство Эпира носило, согласно трактату Варрона, кочевой характер (т.е. подразумевало зимние и летние миграции скота, см., напр. Var. De re rust. II. 2, 9) и требовало соответственно обширных пастбищ. Учитывая характер такой организации хозяйства, скотоводческие поместья Эпира представляли собой крупные латифундии. В Албании археологами обнаружено множество вилл, которые могли служить центрами таких латифундий в древней Хаонии: это виллы Диапорит, Малатра, Чука, Меток и др., расположенные в большинстве своем недалеко от побережья Адриатики [4, p. 94–96].

На вилле Малатра, современные руины которой лежат по левую сторону автодороги Врина – Конисполь, представляющей собой перестроенную эллинистическую крепость, найдено большое количество амфор для вина, кухонная утварь, а также некоторые инструменты, например, нож для шкур животных, относящиеся к I в. до н.э. [10, p. 143–147]. Удобное расположение виллы позволяет ей контролировать значительную часть равнинной области Врина, а также западную часть равнины Кестрин между реками Павла и Каламас (древний Фиамис), что не вызывает сомнения в ее скотоводческой направленности, а также возможности «вместить» в себя обширные стада (Врина занимает площадь в более 27 км², а Кестрин – более 100 км²). При этом интересно отметить, что помимо виллы и хозяйственных инструментов в ней, ничего сверх того, что свидетельствовало бы об обширном хозяйственном комплексе, а именно дополнительные постройки для скота, хлевы, которые Варрон советовал делать из камня (Var. De re rust. II. 2, 18–20; 3, 6) – не обнаружены, как и при раскопках других вилл [4, p. 99]. Малатру можно с высокой долей вероятности отнести к владениям Аттика хотя бы в связи с ее близкой расположенностью к Бутроту (ок. 25 км).

Археологический памятник Добер, расположенный справа от шоссе Саранда – Конисполь, представляет собой комплекс наслоений, одним из которых является римская сельская виλλα с обнаруженной на ее территории керамикой I в. до н.э. [11, p. 266–267; 12, p. 262–263]. Она располагается на равнине площадью в несколько десятков квадратных километров, удобном для ведения скотоводческого хозяйства. Аналогичны виллы Чука и Меток в одноименных деревнях: одна из них контролирует равнину Чумпар до р. Быстрица, другая, расположенная неподалеку на склоне г. Лекурси, примыкает к обширной равнине Финик, а с востока захватывает обширную область левобережья Быстрицы. Обе виллы представляют собой сельскохозяйственные сооружения с множеством помещений для продукции, где было найдено большое количество фрагментов керамики I в. до н.э. [13]. Так же керамика была найдена на вилле Диапорит к северу от Бутринта, на восточном побережье одноименного озера [14, p. 209–214]. Аналогичная керамика, позднеэллинистического периода, была найдена на территории Бутринта, Аполлонии и окрестностей. Следовательно, ремесленное производство в латифундиях было не на самом высоком уровне [10, p. 136–137]. Очевидно, рабовладельцы, чьи поместья были территориально близки к городам, не утруждали себя организацией мастерских, а закупали все необходимое в окрестных ремесленных центрах. Отсутствие ремесленников выступало одним из факторов, усиливающих специализацию поместий – явление, характерное и для итальянских латифундий I в. до н.э. [15, с. 50–51].

К югу от Фиамиса, в древних Феспротии, Молоссии и Амбракии, расположенных на территории современной Греции, раскопано значительное количество сельских вилл, типологически близких к рассмотренным, находившихся как вдоль рек, так и недалеко от побережья: часть из них обладала очевидной скотоводческой направленностью [16].

Археологические данные не позволяют судить о том, что эпирские поместья обладали очень высокой степенью интенсификации, в чем нас хочет убедить Варрон. Помимо самой виллы, т.е. центра, в состав поместья не входит какой-либо иной инфраструктуры, как, например, каменные заграждения и т.д., что не требовалось в условиях кочевого скотоводства. Такой тип устройства подсказывала и политическая обстановка в Эпире: большинство вилл «встроено» в эллинистические крепости. В случае военного вторжения или рабского восстания, рабовладельцы могли укрыться в своих укрепленных поместьях, скот же мог быть отогнан в горы.

Отсутствие же практически во всех виллах, за исключением Малатры, инструментов животноводческого хозяйства, позволяет заключить, что обработка шерсти и производство готовой продукции могли совершаться в Италии, куда осуществлялись поставки [4, p. 99]. Таким образом, латифундии оказываются основанными на интенсивном производстве, тесно связанными с местными рынками из-за низкой степени организации самого хозяйства.

Остальные отрасли хозяйства латифундии обладали, очевидно, экстенсивным характером. В поместьях нельзя отрицать наличия земледельческой деятельности: об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты массивных сосудов-пифосов, использовавшихся для хранения вина, масла и зерна; кроме того, стоит отметить, что ни один из античных авторов, включая Варрона, никогда не писал о необходимости ориентации поместий только на один вид хозяйственной деятельности – латифундии, как и виллы, всегда выступают многопрофильными экономическими организациями [1, с. 220–221; 2, p. 395–401].

В связи с интенсификацией производства в скотоводческой сфере вполне логично предположить, что именно в этой отрасли наблюдалась наибольшая рентабельность латифундий, и именно здесь рабовладельче-

ские отношения развивались наиболее стремительно [9, с. 84–88]. Как уже было неоднократно отмечено, важнейшей статьей дохода была продажа для итальянских рынков качественной эпирской овечьей шерсти для производства одежды (Var. De re rust. II. 11, 11). Варрон упоминает и иные возможные статьи дохода в скотоводстве: молочная продукция и мясо (скоропортящиеся продукты для местных рынков), козий волос, из которого делали веревки для корабельных снастей, ковры, одежду и др. (Ibid. 11–12; ср. Verg. Georg. III. 312–313). Особой статьей дохода было коневодство. Использовать лошадей могли, исходя из нужд времени: для поставок в армию, для участия в играх, либо же для использования в сельском хозяйстве и в качестве извоза (Ibid. 7, 15).

В контексте армейских поставок стоит указать, что Эпир обладал не только экономическим, но и стратегическим значением. Бутрот служил важнейшей узловой точкой торговых путей и поставок. Дионисий Галикарнасский называет его морским портом Эпира (Dion. Hal. I. 51, 1). Цезарь использовал его во время войны с Помпеем как пункт снабжения его армии (Caes. Bel. Civ. III. 16), с чем, вполне вероятно, ему помогал крупнейший местный землевладелец – Аттик [5, с. 74–75]. В историографии было так же выдвинуто предположение о возможности осуществления Атиком поставок в войска Суллы во время кампании против Митридата в Греции, ведь армейским обеспечением богатые всадники занимались часто [17].

В связи со всем сказанным не вызывает сомнений высокая доходность таких скотоводческих хозяйств, и именно поэтому, вполне вероятно, Непот замечает относительно Атика, что весь его денежный доход (rescuniae reditus) поступал от владений в Эпире и Риме (Ibid. 14, 3). У Марциала упоминается некий Афр, который получал со своих пармских овец доход в 600 тыс. сестерциев, что предполагает наличие большого поместья (Mar. Epig. IV, 37). Известно, что со своей Куманской латифундии Тримальхион из «Сатирикона» получал доход в 10 миллионов сестерциев. Это было многопрофильное поместье обширных размеров с развитым пастбищным и земледельческим хозяйством: чиновник Тримальхиона сообщает слушателям, что на гумно за год было свезено 500 тыс. модиев пшеницы, пригнано 500 быков, родилось 30 мальчиков-рабов, а девочек – 40 (Pet. Sat. 53). Вполне вероятно, что местными рабовладельцами, как и Тримальхионом, постоянно предпринималась интенсивная закупка скота, поскольку и поместья Тримальхиона, и поместья Афры были тесно связаны с рынком. В случае Эпира стоимость шерсти могла быть даже выше, чем пармская, поскольку включала в себя расходы на транспортировку по морю, а также обработку на месте в Италии. Уместно предположить, что средний годовой доход эпирской латифундии мог приближаться к 1 млн сестерциев.

Итак, рабовладельческие латифундии Эпира представляли собой обширные по своим размерам скотоводческие поместья преимущественно интенсивного характера, тесно связанные с местным и средиземноморским рынком. Такая организация хозяйства требовала от владельца минимума вложений и позволяла извлекать ощутимые прибыли. Каждая латифундия выступала многопрофильным экономическим организмом, где ведущую роль играло скотоводство, разведение различных видов животных для разных целей: основными из них выступали продажа качественной эпирской шерсти, козьего волоса, а также армейские поставки. Основной рабочей силой латифундий выступали рабы, обладавшие широкой самостоятельностью. Данные свидетельствуют о значительном распространении латифундий подобного типа на территории Эпира, и принадлежность некоторых из них можно вполне соотнести с Помпонием Атиком.

Список источников:

1. Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М.: МГУ, 1973. 253 с.
2. White K. Roman farming. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1970. 536 p.
3. Iliou P. The transformation of an agricultural economy: forms of rural settlement in Epirus from the second century BCE to the fourth century CE // Trinity Term. 2022. Vol I. P. 1–407.
4. Shpuza S. Aspekte të ekonomisë antike ilire dhe epirote // Illiria. 2009. № 34. P. 91–110.
5. Perlwitz O. Titus Pomponius Atticus. Untersuchungen zur Person eines einflussreichen Ritters in der ausgehenden Römischen Republik. Stuttgart: Steiner, 1992. 151 s.
6. Cabanes P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine, 272–167 av. J.C. Paris: Belles Lettres, 1976. 649 p.
7. Hammond N. Epirus. Oxford: Clarendon Press, 1967. 847 p.
8. Mihăescu H. Economia agricolă la Varro // Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie. 1953. T. 4, № 3–4. P. 525–539.
9. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: Наука, 1964. 262 с.
10. Çondi D. Fortesa – vilë e Malathresë // Illiria. 1984. № 2. P. 131–152.
11. Çondi D. Dobër // Illiria. 1984. № 2. P. 266–267.
12. Çondi D. Dobër (Sarandë) // Illiria. 1986. № 2. P. 262–263.
13. Çondi D. Banesat e fortifikuara – Vila një aspekt i rëndësishëm në zhvillimin urbanistik të Kaonisë // Illiria. 2017. № 41. P. 163–194.
14. Bowden W., Hodges R., Lako K. Roman and Late-Antique Butrint: excavations and survey 2000–2001 // Journal of Roman Archaeology. 2002. № 15. P. 199–229.
15. Кузищин В.И. Исследования в области экономической истории античности. СПб.: Алетея, 2011. 655 с.

16. Antoniadis V. Post-167 BC Romans in Central and Southern Rural Epirus: Analysing a specific settlement pattern // *Orbis Terrarum*. 2021. № 19. P. 11–28.

17. Marshall A. Atticus and the Eastern Sojourn // *Latomus*. 1999. T. 58. Fasc. 1. P. 56–68.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Казаров Саркис Суренович , доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира; Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ser-kazarov@yandex.ru.	Kazarov Sarkis Surenovich , doctor of historical sciences, professor of Archeology and Ancient History Department; Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: ser-kazarov@yandex.ru.
Снежко Илья Владимирович , магистрант кафедры археологии и истории Древнего мира; Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: isniezhko@list.ru.	Snezhko Ilya Vladimirovich , master student of Archeology and Ancient History Department; Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: isniezhko@list.ru.

Для цитирования:

Казаров С.С., Снежко И.В. Эпирские латифундии I века до нашей эры // Самарский научный вестник. 2025. Т. 14, № 3. С. 86–90. DOI: 10.55355/snv2025143202.